

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 81'33

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.3.16>

С. Н. Бредихин
А. Н. Эркенова

МИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИДЕАЛИЗИРОВАННОЙ БЫТИЙНОСТИ В ЭПИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В настоящем исследовании проводится анализ специфических лингвокогнитивных механизмов формирования особой лингвоконцептуальной области, структурирующей общелингвокультурное аксиологическое пространство на основе архетипических и стереотипизированных феноменов. Текстовое пространство формирования ценностно-ориентационных основ каждой лингвокультуры представлено, прежде всего, эпическими произведениями, созданными во время становления нации и культуры того или иного народа. Возможно предположить, что интенсификация того или иного мифонима и введение его в концептуальное пространство народа происходит по некоторым универсальным моделям в связи с общностью доминант культуруобразующих факторов. Однако прослеживается и этническая специфика в создании мифологем, что базируется на различных религиозных, бытийных и социально-исторических факторах.

Не смотря на появление в последнее время работ по проблемам степени влияния мифологической картины мира на этническое языковое самосознание, в науке до сих пор отсутствует его концептуальное определение. Во многом это обусловлено тем, что в отечественной когнитивной лингвистике не получил еще должной научной разработки вопрос о гносеологической структуре этномаркированной картины мира, которая позволила бы объективно судить о характере взаимосвязи ее элементов. Именно характер связи определяет смысл исследуемого феномена, дает целостное представле-

ние об изучаемом объекте. Таким образом, для исследователей ключевой проблемой в изучении механизмов мифологизации субъектов, феноменов и ситуаций объективной и рефлексивной реальности в различных этносах и их вербализация в разноструктурных языках, главенствующим оказывается поиск подходов его структурирования и анализ связи его компонентов. Именно от разрешения данной проблемы сегодня во многом зависит разработка концепции мифологических оснований этнического самосознания в целом.

В статье рассматриваются особенности изображения бытийности в эпических текстах. Акцент при этом сделан карачаево-балкарском эпосе «Нарты», который состоит из нескольких циклов. Отличительной чертой эпических текстов является идеализация жизни героев от их появления на свет. В Нартиаде Дебет и Сатанай представлены как «первотворцы» и «прародители» нартского народа. Им принадлежит создание и изобретение различных орудий. Они не раз приходят на помощь нартам при борьбе с их врагами.

Ключевые слова: мифологизация, карачаево-балкарский эпос, Нартиада, образ героя, идеализация бытийности, этнокультурная специфика.

Для цитирования: Бредихин С. Н., Эркенова А. Н. Мифологизация как средство представления идеализированной бытийности в эпических текстах // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (3). С. 498–504. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.16

Sergey N. Bredikhin
Amina N.-M. Erkenova

MYTHOLOGIZATION AS A MEAN OF REPRESENTATION OF IDEALIZED EXISTENCE IN EPIC TEXTS

The study analyzes specific linguo-cognitive mechanisms of formation of a special linguo-conceptual area that structures the general linguo-cultural axiological space on the basis of archetypal and stereotyped phenomena. The textual space for the formation of the value-oriented foundations of each linguistic culture is represented, first of all, by epic works created during the formation of the nation and culture of a particular

people. It is possible to assume that the intensification of this or that mythonym and its introduction into the conceptual space of the people takes place according to some universal models due to the commonality of the dominant culture-forming factors. However, there is also ethnic specificity in the creation of mythologemes, which is based on various religious, existential and socio-historical factors.

Despite the recent appearance of works on the problems of the degree of influence of the mythological picture of the world on ethnic linguistic self-consciousness, its conceptual definition is still missing in science. This is largely due to the fact that in Russian cognitive linguistics the question of the epistemological structure of the ethnomarked picture of the world, which would allow one to objectively judge the nature of the relationship of its elements, has not yet received proper scientific development. It is the nature of the connection that determines the meaning of the phenomenon under study, gives a holistic view of the object under study. Thus, for researchers, the key problem in studying the mechanisms of mythologization of subjects, phenomena and situations of objective and reflexive reality in various ethnic groups and their verbalization in languages with different structures, the main problem is the search for approaches to its structuring and analysis of the connection of its components. The development

Актуальность данного исследования определяется тем, что современная лингвистика характеризуется становлением междисциплинарных областей знания, причем контаминация осуществляется не только в смежных дисциплинах, но и в рамках смещения парадигм в самих языковедческих сферах. Текстовое пространство формирования ценностно-ориентационного единства каждой лингвокультуры представлено, прежде всего, идеями, заложенными в эпических прототекстах, созданными во время становления нации и культуры того или иного народа. Так, миф является одним из самых древних типов сознания. В нем содержится первоначальное представление той или иной культуры о мироздании. Наличие различных социальных проблем и отсутствие возможности их влияния на их решение, порождает необходимость в побеге от действительности в идеализированный мир, где все возможно. Таким образом, человек стремится создать миф, в котором добро побеждает зло, существует социальная и политическая стабильность. В настоящий момент вопрос отражения идеализированной бытийности в различных лингвокультурах является недостаточно изученным. В нашей статье мы рассмотрим способы экспликации идеализированной бытийности на примере карачаево-балкарского героического эпоса.

Цель нашей статьи состоит в рассмотрении способов представления идеализированной бытийности в эпических текстах на основе лингвокогнитивного механизма мифологизации.

Исследованием мифологии занимались многие ученые из разных областей знаний. Одними из ключевых работ в области мифологии являются исследования таких ученых, как Е. М. Мелетинский (1974), В.М. Найдыш (2010), К. Леви-Стросс (1994), М. Олдхаус-Грин (2021), М. В. Ивченко (2006),

Е. Я. Режабек (2018), в области филологии и лингвистики З. Н. Волкова (2020), Т. М. Хаджиева (2015), А. И. Алиева (2012), У. З. Байрамуков (2012) и т. д.

of the concept of the mythological foundations of ethnic self-consciousness as a whole largely depends on the resolution of this problem today.

The article discusses the features of the image of lifestyle in epic texts. The emphasis is on the Karachay-Balkar epos «Narts», which consists of several cycles. A distinctive feature of epic texts is the idealization of the life of heroes from their birth. In the Nartiada, Debet and Satanai are presented as the «first creators» and «ancestors» of the Nart people. They own the creation and invention of various tools. They often come to the aid of the Narts in the fight against their enemies.

Key words: mythologization, Karachay-Balkarian epos, Nartiada, image of a hero, idealization of lifestyle, ethnocultural specificity.

For citation: Bredikhin S. N., Erkenova A. N.-M. Mythologization as a mean of representation of idealized existence in epic texts // Humanities and law research. 2022. V. 9 (3). P. 498–504. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.16

Вопрос, который возникает перед учеными, состоит в исследовании его истоков мифопорождения в процессе создания основы аксиологической системы в картине мира того или иного этноса. Миф содержит в себе информацию о том, как видит окружающий мир тот или иной народ, т. е. доминирующие социокультурные и этнонационально маркированные компоненты ядра концептосферы [5]. Таким образом, он является результатом «родового сознания человека».

С древности миф сопровождал людей на протяжении всей жизни. Он содержал в себе не только истории о богах, но и регламентировал правила жизни, организовывал быт той или иной культуры. По мнению Е.М. Мелетинского, «функция мифа – регулирование и поддержка определенного природного и социального порядка, как прелогическая символическая система, родственная другим формам человеческого воображения и творческой фантазии» [13, с. 8].

Первыми, кто занялся переносом из устной в письменную форму мифов, были логографы. Они описывали подвиги и приключения героев, вели записи о происхождении богов, так как люди верили, что произошли от них. Дионисий Галикарнасский причислял к литографам, таких историков, как Эвгеон Самосский, Деиох Проконнесский, Эвдем Паросский, Демокл Фигелейский и многих других. В своих работах они придерживались одной точки зрения, причем, истории разделялись по народам и городам, не смешивая их. Их целью была передача преданий того или иного народа без каких-либо изменений и дополнений. Литографы придерживались ясного, простого и краткого способа повествования [14, с. 32].

Первые попытки определения мифа были предприняты также в Древней Греции. Так, Платон «противопоставил народной мифологии философско-символическую интерпретацию мифов» [13, с. 12]. Платон считал, что мифы способствуют нравственному воспитанию человека. Он считал, что миф играет социальную роль в жизни

общества. Только государи могли размышлять о жизни общества, а мифы – для народа. В «Поэтике» Аристотеля мы встречаем интерпретацию мифа, как «фабулу». В свою очередь эпикурейцы видели в мифах дополнительную помощь в укреплении авторитета жрецов и властителей. Представители киренаиков считали, что в мифах изображены исторические личности в виде богов.

Древнегреческий поэт Гесиод в своих произведениях утверждает, что миф представляет собой, как правило, слово и мысль, которые обозначают что-то особенное. Сам по себе миф оказывает влияние на жизнь человека, например, он поучает и забавляет [14, с. 30].

Согласно В. И. Далю миф представляет собой какое-либо происшествие, историю или, даже, человека, которые вошли в «поверье» [7].

С. И. Ожегов определяет миф, как древнее предание, которое повествует о подвигах героев, богов и о возникновении различных природных явлений [16, с. 313].

В мифах содержатся ответы на вопросы, которые уже давно волнуют человечество: кто мы? как был создан мир? что происходит после смерти? Многие мифические предания содержат вопросы морали: борьбы добра и зла, целомудрие, жестокость, насилие, предательство, в них заключены идеалы мужского и женского поведения [17, с. 19].

Отличительной чертой мифа является то, что он является одной из составных частей древних религий. Миф полностью регламентировал жизнедеятельность людей, он представлял собой проекцию окружающего мира. Сакральная природа мифа заключалась в ритуальных обрядах, которые, как считалось, оказывали теургическое влияние на действительность. Так, по мнению Н.В. Шестеркиной миф сочетает в себе такие проявления архаического мышления, как «синкретизм, анимизм, антропоморфизм, тотемизм, магизм». Таким образом, человек живет в воображаемом мире, при этом, находясь в действительности [23, с. 41].

Э. Ф. Шафранская выделяет следующие категории мифов:

- 1) Космогонические мифы – мифы, в которых содержится информация о создании мира.
- 2) Эсхатологические мифы – мифы о конце света.
- 3) Тотемические мифы – в них идет речь о божествах, которые часто представлены животными и считаются предками людей.
- 4) Мифы о культурном герое – герой, который научил людей различным промыслам.
- 5) Мифы о трикстере – миф о полной противоположности героя, как правило, трикстер – хитрец, шутник.
- 6) Посвятельные мифы – мифы, в которых говорится о ритуалах взросления [22, с. 21].

7) Вышеупомянутые утверждения, подтверждает В. М. Найдыш. Он считает, что миф является начальным типом символического представления архетипа. По словам В. М. Найдыша человек создает миф, когда сам еще «не воспринимает бессознательное как часть своей внутренней духовности и проецирует его содержание вовне». Таким образом, человек представляет свое внутреннее состояние в виде «богов, демонов» и причисляет их свойства к различным природным процессам [14, с. 331].

Так, мы видим, что мифы воспринимались как абсолютная реальность. При этом, стоит отметить, что в дорелигиозный период мифы были не столько предметом обрядов, сколько литературным достоянием, особенно это касается эпических произведений. Эпос («повествование», «стих») представляет собой повествование о жизни и подвигах героев. Эпические произведения выступали в качестве исторических летописей. Как утверждает З. Н. Волкова, эпос состоит из различных типов. З. Н. Волкова приводит теорию эволюции эпоса А. Н. Веселовского. Он выделяет 4 формы эпических произведений: лирико-эпические песни, эпические песни, эпические циклы, эпопеи, «цельный» эпос [6, с. 11].

Мифологизация является процессом создания мифов. Данное явление представляет собой итоговое произведение мыслительного процесса. Существует непосредственная связь мифологизации с методами концептуализации. Исследователи считают, что миф является основополагающим элементом пространства языковой семантики. Язык и миф тесно взаимосвязаны, так, что «лингвистическое мышление» принизано «мифическим мышлением». Источником информации о мире выступает языковая картина мира, которая, в свою очередь, является особой концептуальной структурой [5].

Нартиада занимает ключевое место в карачаево-балкарской культуре. Отличительной чертой карачаево-балкарских «Нартов» от других вариантов является наличие поэтической и песенной версий. Изучением Нартиады занимались такие ученые, как Т. М. Хаджиева, Ф. А. Урусбиева, Х. Х. Малкондуев, А. И. Рахаев, М. Ч. Джуртубаев, Х. М. Акбаева, П. Остряков и другие. Первые попытки исследовать карачаево-балкарский эпос были предприняты в XIX веке, к ним относятся работы, опубликованные в 1879–83 гг., одним из первых, кто опубликовал «Нарты» был П. Остряков. Он отмечал, что для воссоздания полного сборника «Нартов», необходимо опросить каждого исполнителя, так как каждый из них знает наизусть только пару песен [18, с. 702].

Способствовали сохранению и передаче нартского эпоса, такие исследователи, как А. Узденов, С. Отаров, Бозиев А., М. Хабишев, Р. Отарова,

Н. Тульчинский, А. Боташев, Е. Баранов, Х. Суюнчев, А. Рахаев и т.д. Впервые систематическим сбором нартских сказаний занялись в 60-е гг. XX века.

Первый исследователь Нартиады Сафарали Урусбиев отмечал, что «первое место принадлежит сказаниям о нартских богатырях; это богатырский эпос татар-горцев, сохранившийся в их песнях, распеваемых ими до настоящего времени» [10, с. 56]. Также он утверждал, что территорией, где развивались события эпоса был, в основном, Северный Кавказ до Волги, включая Кубанскую область. В нартских сказаниях Волга встречается под другим названием – Эдиль [10, с. 58].

Одним из главных вопросов остается вопрос о том, к какому времени относится создание «Нартов»? Исследователи предполагают, что действительность нартов соответствует реальному историческому периоду. Мы можем предположить, что в нартском эпосе отразился быт карачаево-балкарского народа. Т. М. Хаджаева пишет, что «Благодаря стихотворно-песенной форме существования в эпосе карачаевцев и балкарцев произошла консервация многих архаических элементов, которую подчеркивали многие исследователи «Нартиады» [20, с. 97].

Как отмечает Е. Я. Режабек «тип культуры накладывают свою печать на когнитивность» и наоборот когнитивность оказывает влияние на тип культуры [19, с. 8]. Так, нарты представляют собой идеал мудрости, как отмечает М. Ч. Джуртубаев, в карачаево-балкарском языке «нарт сёз» (пословица) переводится как «нартские речения», понятие «нарт» обозначает не только богатыря, но и подразумевает мудрого человека. Есть даже поговорка: «Къартха сорма, нартха сор»/«Спрашивай не у старого, а у мудрого» [8, с. 617].

Например, в песне «Ёрюзбек убивает рыжего Фука» ведется повествование о том, времени, когда краснолицый рыжебородый Фук притеснял нартский народ. Однажды, когда Ёрюзбеку было двенадцать лет, Фук прибыл на пастбище и потребовал в качестве дани баранов, но герой отказался давать их ему. В качестве наказания Фук отхлестал Ёрюзбека и отобрал у него двенадцать баранов. Годы спустя Ёрюзбек женился на Сатанай и поделился с ней воспоминанием об этом:

*Къуртха Сатанайны алды къатыннга
 Фукну хапаралрын айтханды анга:
 – Къойла бер, – деп келген эди манга,
 Бир осал къой берген эдим мен анга.
 Ол мен берген къойгъа бюсюремеди,
 Къызып, къамичи бла сыртыма берди.
 Жыйыны бла келген эди юсюме,
 Мен сабийем эдим, базынган эди кючюне.
 Мен джаш эдим, ол зорлукну этген эди,
 Нартны онеки къоюн алып кетген эди.
 Куртха Сатанай взял в жены.
 Поведал ей о бесчинствах Фука:*

- Приехал Фук ко мне и потребовал:

«Дай мне баранов!»

Я дал ему одну плохую овцу.

*Овца, которую я дал, ему не понравилась,
 Разгневавшись, он мне плетью по спине ударил.
 Приехал же он ко мне со свитой,
 Был я ребенком, потому и понадеялся
 на силу свою.*

Я был юн, и он насилие учинил –

*Двенадцать нартских баранов забрал и уехал.
 (перевод Т. М. Хаджиева, Р. А.-К. Ортабаева)*

В данном отрывке мы видим, что Ёрюзбек просит совета у Сатанай, так как она является эталоном мудрости для нартов. Стоит подчеркнуть, что в отличие от других эпических произведений, где героиня ценится, главным образом, за ее красоту, в Нартиаде наравне с красотой Сатанай неоднократно отмечается ее благоразумие и дальновидность. Несмотря на то, что Ёрюзбек имеет положение главы нартов, он ничего не предпринимает без совета Сатанай, что еще раз подчеркивает не только ее исключительное место в эпосе, но и место женщины в социуме, что может говорить о матриархальных чертах, которые присутствовали в обществе. Так, в мифах люди идут за мудростью и советом к мудрецам, но в нартском эпосе в большинстве случаев женщины принимают решение, так как являются эталоном мудрости. Например, в том же отрывке нарты идут за советом к ведуньям:

Нарт жыйлып, уллу оноу этгенди,

- Ёрюзбекни Фугка иейик, - дегенди.

Элде къуртхаланы жыйып, сордула,

- Бир мадар! – деп, алагъа баш урдула.

Нарты собрались и держали большой совет:

– Пошлем к Фуку Ёрюзбека – решили они.

Созвали они всех вещунный аула,

Попросили их: «Придумайте что-нибудь!»

(перевод Т. М. Хаджиева, Р. А.-К. Ортабаева)

Как утверждает М. А. Хоконов архетипы содержат в себе «коллективную память народа», в этой связи их изучение предоставляет возможность рассмотреть с разных точек зрения развитие менталитета и культуры каждого народа [21, с. 25].

Приведенные примеры, показывают, что идеалом считалась женщина, которая могла быть не только хорошей хозяйкой и славиться красотой, но и мудростью и ясновидением. Сатанай награждается такими эпитетами, как «къуртха», «обур», «билгич», «хар затны билиучу». Слова «къуртха» и «обур» значат не только «вдунья», «колдунья», но имеют также переносный смысл «сообразительный», «умный». В других версиях эпоса Сатанай заключает в себе черты воинственных амазонок. В этих вариантах в основном превозносятся физические данные героини, в то время как в карачаево-балкарском варианте эпоса, Сатанай одерживает победу над врагами при

помощи мудрости и хитрости. Кроме того, следует подчеркнуть, что Сатанай является не только ведуньей, которая помогает нартам, но и считается их прародительницей. В песне «Прекрасная Сатанай» сообщается, что Сатанй вышла замуж за Ёрюзмека и, таким образом, стала «матерью нартов». В толковом словаре Х.М. Акбаева говорится о том, что источником происхождения имени Сатанай является соединение двух корней «сам («священный» + ана («мать»))» [1, с.135-136]. Таким образом, образ Сатанай является идеалом «женского поведения», прообразом матери. Г. М. Хаджаева утверждает, что «помимо культа матери-прародительницы в ее образе, несомненно, прослеживается и культ некоей астральной богини предков карачаевцев и балкарцев, связанной с их солярными и лунарными мифами. Кроме этого мы считаем, что в ее образе нашли отражение и их представления о матери-земле. Наверное, поэтому функции этой мудрой, вещей чародейки универсальны: она исцелительница и покровительница, советчица и помощница всех нартов, восприимчица и воспитательница Сосурка и Карашауая» [20, с. 100].

В Нартиаде особое место занимает изображение социально-экономического и культурного развития. Прежде всего, в эпосе отображено почитание кузнечества, что характерно для тюркских народов. Так, талант Дебета стоит наравне с подвигами Ёрюзмека и других богатырей. Особую роль играет изготовление Дебетом различного оружия:

Кюбелени, кълкъанланы ишлегенди,
Усталыкны ол эбине туюннгенди,
Тау ташланы, ишлик этип, биширгенди.
Кольчуги и щиты изготовлял,
Овладел всеми секретами
кузнечного мастерства.

Горные камни жарил, как шашлык
(перевод Т. М. Хаджиева, Р. А.-К. Ортабаева)

Во многих мифах кузнец играет важную роль наравне с главными героями. Он выступает в виде первосоздателя, так Дебету присваивается создание первого кузнечного меха и добыча железа:

Ол ишлегенди алгъа тери кёрюкню
Ол чыгъыргъанды жер юсюне темирни,
Ол башлагъанды, жандырып ташкёмюрню.
Он первый на земле сделал кузнечный мех,
Он первым на земле добыл железо,
Он первым стал жечь каменный уголь
(перевод Т. М. Хаджиева, Р. А.-К. Ортабаева)

Способность кузнеца добывать и трансформировать железо в различные инструменты, представлялась людям божественного происхождения. По их представлению только богам или героям божественного происхождения было подвластно подобное. Как и в большинстве мифов, в карачаево-балкарском эпосе, кузнец выступает

в качестве наставника, покровителя ремесел. Его деятельность непосредственно влияла на жизнь и быт людей, поэтому кузнецам приписывалось божественное происхождение.

В эпосе не раз подчеркивается божественное происхождение Дебета, что также подчеркивается упоминанием небесных тел, которые он использовал для изготовления оружия. Например, в отрывке «Рождение Ёрюзмека» говорится:

Бир джолда, нартланы ёмюрлеринде, нарт Дебет таулагъа темир ташла жыяргъа кетгенди. Кече ол бир дорбунда къалгъанды. Кече ортада дорбунну тешигинден бир сейир кёк жарыкъ уруп, дорбунну ичин кюнча жарытханды. Дебет, сей ирсинип, тышына чыкъгъанды. Битеу дуняны, кёз къаматырча, жарытып, кёкде бир уллу узун къуйрукълу жулдузну учуп баргъанын кёргенди (...) Темирчи Дебет а ол кёкден тюшген ташны эки сыныгъын да эритип, темир этгенди. Анда битеу нарта айтылгъан къулач-къулач созулгъан сырпынны ишлеп, нарт Ёрюзмекге нартланы жаулары Къызыл Фуқ бла сермеширге бергенди. – Однажды, в век нарттов, нартский кузнец Дебет отправился в горы собирать железные камни. Ночью он остался в одной пещере. В полночь по пещере разлился какой-то необычный голубой свет и озарил всю пещеру, как солнце. Удивленный Дебет вышел наружу и увидел, что посреди неба летит огромная хвостатая звезда, ярко освещая весь мир (...) А кузнец Дебет выплавил оба обломка камня, упавшего с неба. Когда Ёрюзмек собрался сразиться с врагом нарттов Рыжим Фуком, он из этого железа выковал известный всем нарттам, знаменитый, удлиняющийся в бою сырпын Ёрюзмека (перевод Т.М. Хаджиева, Р.А.-К. Ортабаева).

Нартский эпос до сих пор остается малоизученным. На сегодняшний день его исследованию посвящено несколько монографий и статей. С точки зрения языкознания карачаево-балкарский эпос еще не был рассмотрен. В нартиаде запечатлена история, культура, нравы, быт и психология карачаево-балкарского народа.

В нашей статье мы рассмотрели некоторые примеры из карачаево-балкарского эпоса «Нарты», в которых отразилась идеализация бытийности посредством мифа. Предки карачаево-балкарцев сформировали мифологическое пространство, в котором отразилось философское мировоззрение об окружающем мире, о происхождении тех или иных явлений и человека. Одними из ключевых фигур в нартском эпосе являются Дебет, как наставник нартского народа и создатель первого оружия, Ёрюзмек и Сатанай как прародители нартвов. В чертах и поведении данных героев можно увидеть представление идеального образа мужского и женского поведения. Также в нартском эпосе выделяется особое положение женщины, что является характерной чертой для современного карачаево-балкарского

общества. Так на протяжении всей истории карачаево-балкарского народа, женщина всегда занимала важное место, например, она имела собственный доходи имуществу, которым могла распоряжаться только она. Если в семье не было старшего мужчины, его место занимала старшая по возрасту женщина, таким образом она имела те же права, что и глава семьи. При любом вопросе с ней всегда советовались, муж также обращался за советом к ней. Это подтверждается тем, что в нартском эпосе мы встречаем такие определения, как «кьуртха», «обур», «билгич», «хар затны билицу», которыми обозначали женщин. Что касается мужского образа, то у карачаево-балкарского народа принято, что бы мужчина был немногословен, что мы можем наблюдать на примере Ёрюзмека. При этом, мужчина должен обладать искусством красноречия.

Также в нартском эпосе отражены отношения карачаевцев и балкарцев с другими народностями. Например, под эмегенами предки карачаево-балкарцев подразумевали иноземцев. Также в нартиаде отразились различные небесные явления, такие как кометы и метеоритный дождь.

Таким образом, можно сказать, что к специфике мифологизации в нартском эпосе относится в первую очередь синкретизм, т. е. единство реального и сверхреального (идеального). Карачаевцы и балкарцы не ставили под сомнение существование нартских героев. Более того их уклад жизни был основан на устое нарттов. В нартский период были заложены модели взаимоотношений и поведения, традиции, моральные устои, которым следовали предки карачаево-балкарцев.

Источники и литература

1. Акбаев Х. М. Толковый словарь некоторых имен и терминов нартского эпоса. Черкесск: Аланский Эрмитаж, 2010. 168 с.
2. Алиева А. И. Издание национальных версий нартского эпоса в двуязычной Европе и Азии // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. 2012. № 1. С. 6–20.
3. Байрамуков У. З. Этимологический анализ имен главных героев старшего поколения в национальных версиях эпоса «Нарты». Карачаевск: КЧГПУ, 1999. 142 с.
4. Блюмхен С. И. Космологические аспекты мифов о «совершенномудрых правителях». Часть II: Миф о Гуне и Юе в эпоху Шан // Общество и государство в Китае. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmologicheskie-aspekty-mifov-o-sovershennomudrykh-pravitelyah-chast-ii-mif-o-gune-i-yue-v-epohu-shan> (Дата обращения: 12.12.2021).
5. Бредихин С. Н., Пелевина Н. А. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
6. Волкова З. Н. Эпос Франции: История и язык французских эпических сказаний. М.: ЛИБРОКОМ, 2020. 320 с.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://www.prlib.ru/item/457655> (Дата обращения: 12.12.2021)
8. Джуртубаев М. Ч. Происхождение нартского эпоса. Нальчик: Тетраграф, 2013. 804 с.
9. Ивченко М. В. Этнокультурная связь сказки и мифа // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2006. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-svyaz-skazki-i-mifa> (Дата обращения: 12.12.2021).
10. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / отв. ред. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.
11. Леви-Стросс К. Неприрученная мысль // Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 111–336.
12. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
13. Мелетинский М. Е. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 1974. 464 с.
14. Найдыш В. М. Мифология – учебное пособие. М.: КНОРУС, 2010. 432 с.
15. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 656 с.
16. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 816 с.
17. Олдхаус-Грин М. Кельтские мифы. От короля Артура и Дейдре до фейри и друидов. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 260 с.
18. Остряков П. Народная литература кабардинцев и ее образцы // Вестник Европы. 1879. Т. 4. Кн. 8-9. С. 697-710.
19. Режабев Е. Я. Мифомышление: Когнитивный анализ. М.: ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
20. Хаджиева Т. М. Нартские песни и сказания карачаевцев и балкарцев // Научный альманах. Традиционная культура. 2015. №1. С. 96–108.
21. Хоконов М. А. Мифологическое сознание как способ отражения социокультурного бытия: на примере адыгского нартского эпоса: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. Ростов-на-Дону, 2009. 199 с.
22. Шафранская Э. Ф. Устное народное творчество. М.: Академия, 2008. 346 с.
23. Шестеркина Н. В. Миф как когнитивная парадигма // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-kak-kognitivnaya-paradigma> (Дата обращения: 12.12.2021).

References

1. Akbaev H. M. Akbaev X. M. *Tolkovyy slovar' nekotorykh imen i terminov nartsogo eposa* (Definition Dictionary of Some Names and Terms of the Nart epic). Cherkessk: Allan Hermitage, 2010. 168 p. (In Russian).
2. Alieva A. I. *Izдание natsional'nykh versiy nartsogo eposa v dvuyazychnoy Evrope i Azii* (Publication of National Versions of the Nart Epic in Bilingual Europe and Asia) // *Nartovedenie v XXI veke: sovremennye paradigmy i interpretatsii* (Nart Studies in the 21st century: Modern Paradigms and Interpretations). 2012. No. 1. P. 6–20. (In Russian).
3. Bairamukov U. Z. *Etimologicheskiy analiz imen glavnykh geroev starshego pokoleniya v natsional'nykh versiyakh eposa «Narty»* (Etymologic Analysis of the Main Characters of the Older Generation Names in the National Versions of the Epic «Narts»). Karachayevsk: KChSPU publ., 1999. 142 p. (In Russian).

4. Blumkhen S. I. Kosmologicheskie aspekty mifov o «sovershennomudrykh pravatelyakh» (Cosmological Aspects of the Myths about "Perfectly Wise Rulers") Chast' II: Mif o Gune i Yue v epokhu Shan (Part II: The Myth of Gun and Yu in the Shang Dynasty) // *Society and State in China (Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae)*. 2013. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kosmologicheskie-aspekty-mifov-o-sovershennomudrykh-pravitelyah-chast-ii-mif-o-gune-i-yue-v-epokhu-shan> (Accessed: 12.12.2021). (In Russian).
5. Bredikhin S. N., Pelevina N.A. Lingvokognitivnye mekhanizmy aktualizatsii i kontseptualizatsii idiokomponentov kartiny mira (Linguocognitive mechanisms of actualization and conceptualization of worldview idiocomponents). *Stavropol': Paragraf*, 2021. 172 p. (In Russian).
6. Volkova Z. N. Epos Frantsii: Istoriya i yazyk frantsuzskikh epicheskikh skazaniy (Epic of France: The History and Language of French Epic Tales). M.: LIBROKOM, 2020. 320 p. (In Russian).
7. Dal V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language). URL: <https://www.prlib.ru/item/457655> (Accessed: 12.12.2021). (In Russian).
8. Dzhurtubaev M.Ch. Proiskhozhdenie nartskogo eposa (The Origin of the Nart Epic). *Nal'chik: Tetragraf*, 2013. 804 p. (In Russian).
9. Ivchenko M. V. Etnokul'turnaya svyaz' skazki i mifa (Ethnocultural Connection Between Fairy Tale and Myth) // *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki* (Bulletin of Taganrog Institute of management and economics). 2006. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-svyaz-skazki-i-mifa> (Accessed: 12.12.2021). (In Russian).
10. Karachaevo-balkarskiy fol'klor v dorevolutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh (Karachay-Balkarian Folklore in Pre-revolutionary Records and Publications) / resp. ed. T. M. Khadzhiev. *Nalchik: Elbrus*, 1983. 432 p. (In Russian).
11. Levi-Strauss K. Nepriuchennaya mysl' (Untamed Thought) // *Pervobytnoe myshlenie* (Primitive Thinking). Moscow: Respublika, 1994. S. 111–336. (In Russian).
12. Losev A. F. *Dialektika mifa* (Dialectics of Myth). Moscow: Mysl', 2001. 558 p. (In Russian).
13. Meletinsky M. E. Meletinskiy M. E. Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannie formy i arkhaiskie pamyatniki (The Origin of the Heroic Epic: Early Forms and Archaic Monuments). Moscow: Vostochnaya literatura, 1974. 464 p. (In Russian).
14. Naidysh V.M. *Mifologiya – uchebnoe posobie* (Mythology Tutorial). Moscow: KNORUS, 2010. 432 p. (In Russian).
15. Narty. Geroicheskii epos balkartsev i karachaevtsev (Narts. The Heroic Epic of the Balkars and Karachais). Moscow: Nauka, 1994. 656 p. (In Russian).
16. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* (Dictionary of the Russian Language). Moscow: Russkiy yazyk, 1983. 816 p. (In Russian).
17. Oldhouse-Greene M. *Kel'tskie mify. Ot korolya Artura i Deydre do feyri i druidov* (The Celtic Myths. A Guide to the Ancient Gods and Legends). Moscow: Mann, Ivanov & Ferber, 2021. 260 s. (In Russian).
18. Ostryakov P. Narodnaya literatura kabardintsev i ee obraztsy (Folk Literature of the Kabardians and Its Samples) // *Vestnik Evropy* (Bulletin of Europe). 1879. Vol. 4. Book 8–9. P. 697–710. (In Russian).
19. Rezhbek E.Ya. *Mifomyshlenie: Kognitivnyy analiz* (Myth-thinking: Cognitive Analysis). Moscow: LENAND, 2018. 304 p. (In Russian).
20. Khadzhieva T.M. Nartskie pesni i skazaniya karachaevtsev i balkartsev (Nart Songs and Legends of Karachays and Balkars) // *Nauchnyy al'manakh. Traditsionnaya kul'tura* (Scientific Almanac. Traditional Culture). 2015. No. P. S. 96–108. (In Russian).
21. Khokonov M. A. Mifologicheskoe soznanie kak sposob otrazheniya sotsiokul'turnogo bytiya: na primere adygskego nartskogo eposa (Mythological Consciousness as a Way of Reflecting Socio-Cultural Life: on the Example of the Adyge Nart epos): thesis. Rostov-on-Don, 2009. 199 p. (In Russian).
22. Shafranskaya E.F. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo* (Oral Folk Arts). Moscow: Akademiya, 2008. 346 p. (In Russian).
23. Shesterkina N.V. Mif kak kognitivnaya paradigma (Myth as a Cognitive Paradigm) // *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* (Issues of Cognitive Linguistics). 2011. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-kak-kognitivnaya-paradigma> (Accesses: 12.12.2021). (In Russian).

Сведения об авторах

Бредихин Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / bredichinsergey@yandex.ru

Адрес: 355017, д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Эркенова Амина Нюр-Магомедовна – аспирант кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / aminae@list.ru

Адрес: 355017, д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Bredikhin Sergey N. – Doctor of Philology, Professor, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / bredichinsergey@yandex.ru

The address: 355017, 1, Pushkin st., Stavropol, Russian Federation.

Erkenova Amina N.-M. – postgraduate student, Chair of translation studies, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / aminae@list.ru

The address: 355017, 1, Pushkin st., Stavropol, Russian Federation.